

Воспоминаніе о старинныхъ русскихъ гончихъ.

Въ минувшую 4-ю очередную выставку разныхъ породъ охотничьихъ собакъ, бывшую въ Москвѣ въ январѣ настоящаго года, гг. экспонентамъ угодно было избрать меня въ число экспертовъ по отдѣлу гончихъ.

Во время осмотра всѣхъ представленныхъ гончихъ, мнѣ невольно вспоминались прежнія русскія гончія, съ которыми ѣзжалъ я въ юности и молодости. Что это были за собаки! — Добывчивы, чуть-исты, свальчивы, голосисты, а главное — нестомчивы!

Старинные охотники не разбирали съ такою строгостью, какъ это дѣлается теперь, внѣшняго вида или ладовъ гончихъ; они также мало обращали вниманія на шерсть; они искали только сухихъ собакъ, да добывались дѣла, т. е. чтобы стая, натекши звѣря, зайца-ли, лисицу-ли, волка-ли — безразлично, выбрасывали его въ поле. Нашедши породу, соединявшую въ себѣ требуемыя достоинства, они берегли ее, и тѣшились охотой на славу, не задаваясь теоріями о созданіи какихъ-то новыхъ породъ, потому что имѣвшіяся вполнѣ удовлетворяли всѣмъ требованіямъ псовой охоты.

У покойнаго отца моего, признававшагося въ свое время за знатока, была стая сѣренкихъ собакъ, весьма небольшого роста, — вотъ показать бы эту стаю въ дѣлѣ нынѣшнимъ охотникамъ! Стая состояла изъ 18-ти собакъ, новѣрныхъ, полазистыхъ, голосистыхъ; стоило только одной отозваться, — всѣ свалились и загремѣли; скѣла почти не бывала; голоса заливисты, — какъ слушаешь, такъ кажется, что гонять не 18, а 30 собакъ, держись только лошади доѣзжачаго и выжлятниковъ.

Разъ поѣхали въ поле уже въ самомъ концѣ сентября. Отецъ былъ нездоровъ и не ѣздилъ; распорядился охотой покойный дядя Сергѣй Александровичъ. Стая шла безъ смычковъ. Снѣгъ валилъ

хлопьями. Вдруг старикъ доѣзжачій увидалъ, въ опушкѣ уймы, цѣлый выводокъ волковъ, въ числѣ 8-ми штукъ, и показалъ ихъ дядѣ. Тотъ приказалъ кидать гончихъ прямо встрѣчу волкамъ, которые, разумѣется, кинулись въ разсыпную, и стая, помкнувъ по матерому, повела большимъ лѣсомъ, который тянулся верстъ на 18. Лихой борзятникъ успѣлъ верстахъ въ 8, на дорогѣ, перескочить волка; волкъ круто повернулъ назадъ и на возвратномъ пути, стая осилила его и гнала уже по зрячему, такъ что доѣзжачій и выжлятникъ буквально висѣли со стаей на волкѣ. Старикъ дядя, за болѣзнию ноги, не могшій скакать, остался на томъ мѣстѣ, откуда стая помкнула волка; но слыша приближающійся гонъ стаи, онъ началъ подаваться ей на встрѣчу. Улюлюканье доѣзжачаго и голоса стаи были такъ близко, что дядя думалъ не пролѣзъ-ли волкъ чащей мимо его, но оказалось, что матерый волкъ стомѣлъ и былъ подъ самой стаей. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дяди раздалось улюлюканье: гончія свалили волка, гдѣ его и зарѣзалъ доѣзжачій.

Я привелъ этотъ случай для того, чтобы доказать, что у старинныхъ гончихъ бывали и ноги, и злоба, а много-ли матерыхъ волковъ сгоняли теперешніе звѣрогоны?

Главное же достоинство старинныхъ гончихъ заключалось въ ихъ выносливости: съ ними дѣлывали по десяти полей сряду, безъ дневокъ, и собаки достойно служили.

Помню, бывало, подастъ отецъ голосъ сѣдлать. Кони готовы; идутъ на псарный дворъ за гончими; къ концу осени онѣ сбиты, худы, многія перебившись хромаютъ, такъ-что выжлятникъ за шиворотъ пересаживаетъ ихъ черезъ порогъ закуты,—но лишь довели до острова, бросили, натекли, подхватили,—нѣтъ ни одной хромой! Собаки ставятъ вамъ въ поле русака, у котораго нерѣдко изъ ноздрей капала кровь. Вотъ почему и сложилась охотничья пословица, что „собака хромаетъ до поля“... Впрочемъ эта пословица вѣрна только по отношенію къ прежнимъ собакамъ.

Чего бы казалось было желать! Не было упалого, не было острова, изъ котораго не выгнали бы собаки звѣря въ поле. Нѣтъ, этого было мало, намъ понадобились собаки англійскія! Стали выписывать, да и выписывать-то безъ разбора, лишь бы привезены были на кораблѣ. Ну, и чего же добились?

Правда, собаки приобрѣли еще большую злобу, за то растеряли голоса; притомъ, нѣтъ ужъ въ гончихъ той добычливости, характеризовавшей русскихъ гончихъ, которымъ нипочемъ наши русскія дебри и вершины, — нѣтъ ужъ въ нихъ прежняго чутья, этой необходимой принадлежности гончей; о выносливости и говорить нечего.

Сдѣлайте-ка съ выписными, заморскими гончими десять полей сряду, да въ мокрое, холодное, позднее осеннее время, да переведите ихъ вплавь черезъ рѣки; а затѣмъ и полюбуйте выписными. Да возьмите еще въ расчетъ, что въ прежнее время было обиліе звѣря, слѣдовательно и стаѣ было несравненно больше работы, такой работы, которая уже совсѣмъ не подѣ силу выписнымъ звѣрогонамъ. У насъ гоньба не по чищеннымъ англійскимъ паркамъ и не по посаженнымъ лисицамъ.

Да, къ сожалѣнію, чисто русская порода гончихъ у насъ утеряна, и кажется безвозвратно! Я искалъ ее по всей Костромской губерніи, бывшей въ старину разсадникомъ гончихъ. О мустафинскихъ, зюзинскихъ, кашперовскихъ и многихъ другихъ собакахъ, сохранилось только одно воспоминаніе, и если молодое поколѣніе охотниковъ пожелало бы вывести такихъ гончихъ, какихъ имѣли старики, берегніе ихъ и тѣшившіеся съ ними вволю, то задача эта оказалась бы куда какой трудной.

Минувшая выставка была обильна гончими, но представила въ большинствѣ собакъ только носящихъ названіе гончихъ. Возьмемъ для примѣра стаю графа Шереметева, охотника страстнаго, со средствами и не пожалѣваго-бы денегъ, чтобы пріобрѣсти настоящихъ гончихъ, и между тѣмъ, что-же за стая представлена была имъ на выставку? Что ни собака, то особая порода. Изъ всей стаи только и оказалось однотипичныхъ два смычка сѣропѣгихъ. Это обстоятельство, по моему мнѣнію, доказываетъ, что въ настоящее время достать гончихъ негдѣ. Была, правда, одна стая арлекиновъ, однопородная. Лучшими-же собаками оказались собаки г. Хомякова, но то была не стая, а выкормленный помѣтъ отъ собакъ гг. Глѣбовыхъ (порода эта ведется у Глѣбовыхъ давно); отъ четырехъ-же или пяти смычковъ до стаи еще далека пѣсня. Тѣмъ не менѣе и это явленіе настолько отрадно, что, по совѣщанію экспертовъ, для поощренія къ поддержанію установившейся уже породы, собаки г. Хомякова награждены малой золотой медалью. Затѣмъ по всему отдѣлу гончихъ не на что было полюбоваться охотнику. Вотъ почему, въ виду того, что старыя породы русскихъ гончихъ утрачены, я совѣтывалъ-бы охотникамъ добиваться собакъ отъ установившейся уже временемъ крови и держаться уже этой породы, а не бросаться отъ одной къ другой и, вдобавокъ, еще неизвѣстной выписной. Повѣрьте, что время и терпѣніе помогутъ создать вновь собакъ дѣльныхъ, которыя сроднятся съ мѣстностью и климатомъ и будутъ пригодны для охоты по глухимъ и убоистымъ нашимъ мѣстамъ. Необходимо только отказаться отъ страсти къ новизнѣ

и не слишкомъ полагаться на собственное знаніе, а дать время самой природѣ создать то, что утрачено по неопытности выводителей новыхъ породъ.

Прочитавъ мою настоящую замѣтку, нѣкоторые охотники могутъ, пожалуй, увидѣть въ ней противорѣчіе съ прежними воззрѣніями моими, относительно вывода породы борзыхъ собакъ, путемъ смѣшенія псовыхъ съ горскими, а при утратѣ послѣднихъ — съ крымскими; но я и нынѣ не отрицаю пользы достигнутыхъ мною результатовъ, т. е. соединенія въ борзой двухъ качествъ — пружинности и силы; а потому я неизмѣнно держусь этихъ собакъ и поклонникомъ густопсовыхъ себя не признаю. Но именно долготѣннѣйшій опытъ и убѣдилъ меня въ томъ, что смѣшеніе породъ, въ первыхъ генерацияхъ, хотя и даетъ собакъ рѣзвыхъ, но неладныхъ и разнотипичныхъ; впоследствии-же, когда кровь установится, съ каждымъ поколѣніемъ, собаки дѣлаются породистѣй, значительно рѣзвѣй и приобрѣтаютъ лучшіе глаза, что несомнѣнно служить признакомъ кровности.

Назначеніе борзыхъ иное, чѣмъ гончихъ: для первыхъ служатъ ареною поля, а для вторыхъ — лѣсъ; для однихъ нужна пружинность и сила, а для другихъ неутомимость и, главное, чутье, а это-то послѣднее и пострадало отъ смѣшенія разныхъ породъ, да къ тому-же потеряны и голоса, а музыкальность гона не послѣднее достоинство гончихъ.

Но такъ какъ при выводѣ породы гончихъ или борзыхъ измѣняется только преслѣдуемая цѣль, система-же остается одна и та-же, то въ заключеніе, на основаніи долготѣннаго опыта, я повторяю мой искренній совѣтъ гг. охотникамъ, принявшимъ на себя трудную задачу возстановленія породы гончихъ собакъ: — не торопиться, не кидаться на новизну, не судить по первымъ пометамъ, а придерживаться какой-либо уже извѣстной породы, выбирая въ производители лучшія особи, и давать время установиться крови. У кого на это хватитъ умѣнья и терпѣнія, у того будутъ и собаки; а кто станетъ мѣшать да мѣшать породы, въ надеждѣ разомъ добиться хорошихъ собакъ, тотъ самъ себя обрекаетъ на вѣчную охоту съ повѣсами.

Д. Челищевъ.